

Неужели пора? Я ещё ничего не успела...

ПОЭЗИЯ

Алёна Каримова, Марк Зарецкий. 1990-е

СТИХИ ОТ ЛИТО ИМЕНИ МАРКА ЗАРЕЦКОГО ПРИ МУЗЕЕ М. ГОРЬКОГО

Алёна Каримова

* * *

Под сплетением кроны и кроны,
над сплетением чёрных корней –
человек, в человеке – укромный
мир – идея,
и музыка в ней.
В ней – томленье и жажда распада,
и стремленье любить до конца,
жить как надо, и жить как не надо,
не уродовать маской лица...
В ней ещё неизвестно откуда
много бог ещё знает чего...
Ожидание чуда,
но чудо –
это жить под приглядом Его.

* * *

Как хорошо, когда хочется говорить –
слова не то, чтобы соскакивают с языка,
но безусловно торопятся заявить:
«Мне ещё интересно – я жив пока!»

Как хорошо изображать из себя волшебника,
книгочея, умницу всех наук:
у меня, мол, задачи из вашего решебника
все до одной побеждены, и ответы не врут.

Впрочем, иногда изобразить и смущение:
ничего человеческого я не чужд,
и можете даже не покидать помещения,
пока я тут величествую и лучусь.

Но надоедают и эти изгибы,
и подолгу смотришь, как падает снег,
стоишь и думаешь, ах, Meine Liebe,
как так случилось, что счастья нет?

Всё из-за этой всепроникающей речи,
словесной шелухи, бормотания по ночам...
и чем заменить её? Выходит, что нечем.
Так и живём, то плача, то бормоча.

* * *

Грязно-жёлтая ракушка, розовое нутро,
если в тебе что и было – оно уже всё мертво...
а я изучаю вензель твой, только моё «ау»,
не долетев до берега, путается в траву...
«Деточка, – говорила мне добрая медсестра, –
это же только в опере «чтонашажизньигра».
И долговязой капельницы ныл остроносый шприц...
Ненавижу запах больниц.

* * *

Пусть слиняют уже в глубину золотые линии,
и озёрную воду щекочет морзянка дождя,
возвращайся скорей, и скорее меня извини,
измени эту комнату, в комнату эту войдя.

Не прошу, чтобы жизнь, но хотя бы часа полтора...

Пусть желтеет стена сквозь лекарственный запах сосны.
Это жажда меня донимает с утра, и жара,
а вообще, я люблю и не чувствую, в общем, вины.

Людмила Уфимцева

* * *

Расти деревом, подпирая музей.
 Рассыпать по осени лотошные жёлуди
 и наблюдать с болью, как на них
 наступают спешащие мимо прохожие,
 или с восторгом, если их собирают дети.
 Жить в городе и тянуться к солнцу,
 заглядывая через крышу, на лице которой
 знаком каждый гвоздь, каждая трещинка.
 Ночь – самое хорошее время суток –
 тихо. Мои листья и ветви пьют влагу
 земли и лакомятся живительным газом.
 Я разговариваю со своим соседом –
 старцем, одетым в камень. Писатель,
 чьё имя носит музей, сильно окает.
 Наши беседы заполняют длинные
 зимние сумерки, благоухающие майские
 вечера и благодатные июльские ночи.
 Нам знакомы лица посетителей,
 сочиняющих стихи и прозу.
 Это они, подобно стае птиц,
 слетаются сюда в конце недели.
 Только мы различаем их в толпе
 по известным нам приметам.
 Завсегдатаи мужали на наших глазах
 и уходили в мир иной, чтобы вернуться.
 По ночам мы слышим их диалоги
 на языке рифмы.
 Сосед называет меня «мудрым», а я его –
 «крепким», но дни наши сочтены.

Осень. Жёлуди падают на мокрую мостовую
 и катятся под колёса машин. Жаль,
 какая была бы дубовая роща...

Глеб Михалёв

Акынское

1

едешь средней полосой
 так светло и холосо
 дождь идёт и снег идёт
 и никто тебя не ждёт
 не читает не хотит
 только ангел твой летит
 где-то рядом наверху...
 да нам татарам всё равно от этого не легче

2

у меня больна жена
у меня больна страна
что-то мне на этом свете
не уютно ни хрена
сердце ёкает в груди...

знаю знаю господи
это присказка конечно
сказка будет впереди

3

нам акынам – всё легко
пить кобылье молоко
над раздёрганною жизнью
подыматься высоко

степью еду – степь пою
смертью еду – смерть пою
не гляди, Литература
даже в сторону мою

Урок французского

«Кале» и после – «бильбоке»
и непонятные пока –
как карамель на языке,
слова чужого языка.

Но тяжелеет голова
и начинаешь новый круг –
уже шершавые слова:
«Мон шер ами», «ма шер»...
И вдруг,
словно натёртая сукном,
медаль блеснёт – «мсье Дюма»
и «Д'Артаньян»...

А за окном
до неба – чёрные дома.
А за окном, по всей земле –
зима. И тёплая, как печь,
нескладная, как мавзолей,
нехитрая родная речь...

Алексей Кириллов

* * *

Есть часть земли, и человек на ней...
А как тебе сама идея сада?
Не демиург, не гений, не злодей,
Не сторож, а сообщник вертограда.

Плывет Гондвана, новый Одиссей –
Возможно Гейтс, но карточка размыта...
Он говорит, отнимемте смертей
Хотя бы у полиомиелита.

Не даром, может быть, на свете мы.
Задуматься, а всё-таки нельзя ли
Нам выйти из невежества и тьмы,
Когда нельзя из грусти и печали...

* * *

Дедушка, мой драгоценный Иван Иванович,
Виделись мы всего-то с тобой полгода.
В нашей стране бесконечна одна нирвана,
А каждая встреча очень ненадолго.

Как бы неплохо нам вместе уйти на Волгу,
Лаская глазами родные её просторы,
Рыбу ловить у костра подолгу,
Вести ночные душевные разговоры.

Береги тебя Господи там, где ты пребываешь.
Я не грущу, не тоскую, поверь, не ною.
Просто гляжу на Волгу и что-то как будто тянет
Там, где тело связывается с душою.

* * *

Не унывай, держись, браток.
Не может вечен быть поток
Тебе подаренных ненастий.
Возьми платок, хлебни глоток
И жди заслуженного счастья.
Пускай у всех бывает смерть,
Беде тебя не одолеть.
Не верь, что паре поражений
Вольно значение иметь.
Ты от беды не стал бескрыл,
Как Фридрих Ницше говорил,
Всё то, что нас не убивает,
Нам только добавляет сил.

Наталья Волкова

* * *

Мне такого не снилось ещё ни...
Когда зацветает миндаль,
Пряный воздух лилово пьянит
Предрассветную даль.

Надвигаются горы
Огромной холодной волной.
На вершинах её
Белопенный нетающий снег.

116

Виноградарь усталый,
Заботливый труженик, Ной
Руку мне подаёт,
Чтобы вместе взойти на ковчег.

Грустное стихо

Две скамейки, берёзки – привычный пейзаж городской.
Место действия – скверик, пожухлый оазис природы.
Неприметный заводик с воняющей грязной трубой
Регулярно сливает в «Большую канаву»* отходы.

На скамейке пристроился пьяный один гражданин
И соседке-гражданке твердит, относительно трезвой,
Мол, по жизни своей он сейчас проживает один,
Но как хочется жизни другой, красивой и интересной:

Чтобы дом, чистота, и к обеду кастрюля борща,
Чтоб жена улыбалась, и пёс поджидал у порога.
Чтоб диван, телевизор, футбол, проораться, к примеру, «Ничья-а-а!»
И по этому поводу выпить с друзьями, конечно, немного!

В воскресенье – в пиджак, и с красоткой-женой на бульвар!
Пусть плывёт в крепдешинах, «Куплю ей духи подороже!»,
И чтоб ночью не шлялась и много в гостях не пила,
Не позорила мужа, непьющего(!) скверною рожей.

Он мечтал вдохновенно, так розе поёт соловей:
«...и ребёнок, конечно, чтоб девочка, дочка была!»...
По ладони гражданки неспешно бродил муравей.
Притулившись к мужскому плечу, тётка сладко спала.

В небе пел самолёт. Пузырилась в канаве вода.
Молодело лицо и светилось улыбкой прелестной.
Спящей женщине снилось: она ещё так молода!
И что жизнь обязательно будет красивой и интересной.

---

*Большая канавка – отстойник в городке Н.

Людмила Васякина

* * *

Чужого мужа с чем сравнить не знаю.
 Быть может, с найденным в дороге портмоне?..
 Его перетряхнёшь ты, дорогая,
 И возвратишь назад домой жене.
 Его ты бросишь поздно или рано,
 Хоть он готов прощать любой каприз.
 Его ругать ты можешь постоянно,
 А для него ты сказочный сюрприз.
 Так почему устроено – не знаю:
 Того, что мы имеем, не храним.
 С чужими легче, я их всех прощаю,
 Но как же трудно дома со своим.
 Давайте жить друг друга понимая,
 Оправдывая мелкие грехи,
 Давайте жить друг друга принимая
 И вслух читать с любимыми стихи.

117

Натан Солодухо

«Сирень» Рахманинова

1

Когда в аллеях воздух пуст
 И у травы туман белеет,
 Сей смутный час рассветный тлеет,
 Едва запотеваает куст –
 И проступает из-под тени
 Голубоватый флёр сирени.

Лишь стоит мягкому лучу
 Пройтись по мятному плечу –
 От свежей влаги акварели
 И до промасленных мазков
 Ультрамариновых глазков –
 Как ясно, что цветы прозрели...

В безмерность дальнего угла
 В никем не зримую беседку
 Поутру уведу Данэтку,
 Чтоб видеть там она могла
 С утра до ночи – целый день, –
 Как майская цветёт сирень.

неужели пора?..

2

Перебирая рёбра клавиш,
 Рука не терпит немоты.
 Когда на мякоть пальцы ставишь,
 Розеток раскрывая рты,
 Соцветия, роясь, клубятся,
 Исторгнув пряные круги,
 Медово млеют и томятся
 На солнце – бренны и наги.

И вновь сиреневую рябью
 Колышут волны плоть куста
 И отвечают дрожью бабьей
 С ветвей до кончика листа.

И кажется, что вечность длится –
 А век уже почти прошёл.
 И матово тускнеют лица
 На выдох: «Ах, как хо-ро-шо-о...»

3

Всё это явь, иль куст тот снится?
 На пальцах облачных девица,
 Покорна пальцам и игле,
 Внимая вдумчивой игре,
 Лиловой нитью и перстом
 Пространство вышила крестом.

4

Раскидисто и благородно
 Порой любви сирень цветёт.
 Рассыпчато, надломно, дробно
 Отцветшая, она падёт.
 И будет в грёзах пред очами –
 Томить холодными ночами.

Талия Шарафиева

* * *

Октябрь пробирает до дрожи дождём морозящим,
 Кричит по графиту асфальта опавшей листвою:
 «Просите! Просите и дадено будет просящим».
 Просить-то о чём? Мы бредём по аллеям с тобою.

Тяжёлое небо зависло на рыжих полотнах
 Деревьев промокших, но светлую мудрость хранящих.
 «Спаси от желаний, Всевышний, тебе не угодных.
 Храни наших ближних, и здравствующих, и болящих».

А души – в блаженном молчанье застывшие сфинксы.
И тонок сей миг, только б словом его не нарушить:
Улыбкой светящийся спутник в поношенных джинсах
И свет фонаря, отражённый холодною лужей.

* * *

Не спеша пролагаю дорогу домой
Мимо сумеречных силуэтов
Тополей над заснеженной мостовой,
Пролетающих птиц и пакетов.
Вдоль лотков и киосков и мрачных людей,
Заслоняющих лица от ветра,
Мимо сторбленных уличных фонарей
В колпаках тускло-жёлтого света.
И при этом настойчиво веет весной,
Пробивается ниточкой нега,
Оживает заброшенный город мой,
Утрамбованный толщами снега.
Но глаза застилают то слёзы, то дым
Чёрных полчищ, черкающих небо,
Злая тётка кричит: «Город не был твоим!»
...Да и ты никогда им не был.

Наиль Ишмухаметов

* * *

Ты катись, антоновка Луны,
По тарелке с млечною каёмкой,
Покажи изнанку тишины,
Дай услышать и запомнить ёмкий
Стих, в котором белый звёздный шум
Бьётся в кровь с чернильным пустословьем.
Торопись, пока ещё дышу,
Поспешай, пока за изголовьем
Чёрный не поднялся человек
И не поднял тяжёлых век,
Чтоб с ухмылкой просипеть – Издохх!
Забирай готовенького, Бохх!

* * *

На севере дни идут за три,
На юге – ночи.
Что наша жизнь? – Замри-отомри,
Игра, короче, –
Прятки с болью, она – везде,
Ты – вечный вода...
Ступай по звёздам, гадай на звезде
И дуй на воду...

Зерно и небо

Летать рождённый – в поисках земли,
Рождённый ползать – жив мечтой о небе.
И строит, строит, строит корабли
Рождённый думать о насущном хлебе.

Зерно и небо...
Небо и зерно...
Вся жизнь – распяты на кресте дилеммы.
Грызёт горбушку, пялится в окно
По виду – человек, по сути – лемминг.

Промышленно шинкуется гранит,
Кропают некролог в прохладе норки...
Беги, покуда Бег тебя хранит,
Навстречу небу, лемминг одинокий.

Светлана Грунис

* * *

Погадала на ромашке:
испортила и цветок,
и настроение...

* * *

Сплошной стеной идёт дождь.
Мир сузился
до размеров зонта.

* * *

Зима неторопливо
стеклит
окна водоёмов.

Одуванчики

Тысячи маленьких солнц
улыбаются
небесному брату.

* * *

Молчаливый шифоньер
надёжно хранит
крик моды...

* * *

Убирают с улиц
трамвайные пути.
Трамвай ушёл... в прошлое?

* * *

Жестка в бессонницу кровать,
Мечусь по ней, меняя позы,
Мой блудный сон ушёл гулять,
И дарит ночь метаморфозы.
Шумят деревья за окном,
Глядит луна бесстыжим оком,
И всё, что беззаботно днём,
В ночи становится морокой:
Вот, не пугаясь темноты,
Орут на улице коты,
Сигнализация вопит,
А за стеной сосед храпит,
Скрипит визгливо половица,
А мне не спится и не спится...

Светлана Мингазова

* * *

Ночное Азино. Больница
Инфекционная.
Не спится.
Светает. За окном кружится
Стерильный снег.

Я – выписная единица,
На волю выпорхну
Синицей,
Но надо срочно дозвониться
Родным – их трое человек...

И нежности моей крупца
В груди
И ширится, и длится...
Холодной пеленой ложится
На землю выбеленный снег...

* * *

Неужели пора? Я ещё ничего не успела...
Заморочек нехитрых больная полна голова:
И как та стрекоза, что всё красное лето пропела,
Спohватилась: заканчивать надо дела.
Почему так врасплох? Впрочем, жалкий извечный вопросик!
Разрешений от нас на визиты не ждёт «форс-мажор».
Сообщает мне что-то мудрёное врач-диагностик,
В нетерпенье стучит по пюпитру судьба-дирижёр.
Может, плюнуть на всё, поберечь напоследок силёнки?
На молитву сзывая, протяжно кричит муэдзин.
В подреберье моём напряжённо стучит шестерёнка.
Я закончу, вот только за кофе схожу в магазин.

* * *

Город дымкой затянут. Вдали, в стороне
Этот угол медвежий – спасение.
Опускается птицей на плечи ко мне
Ангел белый – село Вознесение.
Рассыпается боль пересохшим листом
Исчезает тревога. И верится:
Подождём, переждём.
За весенним дождём
Наши беды в труху перемелются.
Заигралась со мной –
Засыпает снежком,
Круговертит шальная метелица
И к ногам густошёрстным
Своим животом
Прижимается,
Словно медведица.
Дышит колко в лицо,
Лижет ласково в нос
Зверь мой умный –
Души исцеление.
Мне с тобою тепло
В самый лютый мороз,
Мой спаситель – село Вознесение.

Валентина Закиева

* * *

Веронике Тушновой

Говорят, не бывает чудес,
но под вечер откроется книга,
и листвою разбуженный лес
оживает в стихах Вероники,
где сбегает она к роднику,
держит крепко железную кружку.
Сколько жить суждено на веку,
нагадает неверно кукушка.
А пока слышно пение птиц
и весенней листвы перезвоны,
щебетанье весёлых синиц
и ворчание серой вороны.
За окошком её дремлет двор.
Голубятня уставилась в небо,
городской нарушая декор
всем мальчишкам соседским в потребу,
где спешила она впопыхах
с белым голубем так породниться,
что запомнилась с птицей в руках,
в лёгком платьице, с лентой в косицах.
Был потом медицинский халат,
белый-белый, как крылья голубки,
и великий победный парад
с незабудками на приступке...

Радик Гимранов

Учитель

Всё от Бога в мире. Всё от Бога.
И талант, и матушка душа.
Вековая мудрость педагога.
Вечная наивность малыша.

Господа! Вы главное учтите:
И юнец научит, и старик.
Но лишь тот воистину учитель,
В ком живёт достойный ученик.

Зима

Зима. Наш город омоложен.
И в занавесках снегопада
Так романтично и забавно
Снежинки ловит ртом прохожий.

А помнишь? Мы одну снежинку,
На миг зависшую над нами,
Ловили жадными губами,
Как будто в ней –
вся прелесть жизни?

Какая блажь! – соединиться,
Поймав снежинку и друг друга
Губами чувствуя упруго,
В сугробы белые свалиться.

И хохотать, швыряясь снегом
В лицо друг другу и за ворот,
Забыв про улицу и город,
И что – сиреневое небо...

Поймёшь ли на закате жизни,
Что вечер этот всех дороже.
Зима. Сугробы с белой кожей
И жизнь короткая снежинки.

